

**СКАЗКА БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»
И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(опыт сопоставления коммуникативных особенностей)**

Чтение художественной литературы (в том числе и фантастической) – это коммуникативный процесс, участниками которого являются автор и читатель. Дистантный характер общения предъявляет к его участникам вполне определенные требования, которые варьируются в зависимости от выбираемого писателем метода и жанра. Это свойство отмечает исследователь филологии и психологии фантастики К.Г. Фрумкин: «Современная фантастика требует грамотного и опытного читателя, который знает ее жаргон и умеет расшифровывать образы, самостоятельно достраивая их предысторию и обоснование» [Фрумкин 2004: 45]. К восприятию произведений научной фантастики такой читатель подходит с «опережающим» знанием о космических кораблях и нуль-транспортировке, к чтению фэнтези – со знанием элементов кельтской и славянской мифологии.

Если рассмотреть образы мифологических персонажей, встречающихся на страницах повести братьев Стругацких, с точки зрения разработанной К.Г. Фрумкиным типологии, то их следует отнести к разряду традицион-

---

⁹ Здесь возникает чрезвычайно интересная параллель с явлением диететического сдвига, ср.: сигарета прожгла дырку на скатерти – сигарета прожгла скатерть, ветер хлопал дверью на террасе – на террасе хлопала дверь, она смотрела вдаль усталыми глазами – ее усталые глаза смотрели вдаль (примеры из [Падучева 2004: 63]), однако это параллель заслуживает самостоятельного исследования.

ных фантастических феноменов («Традиционные чудеса есть натуралистические чудеса, оправдываемые с помощью скрытого отсыла к прецедентам подобных чудес в более ранних источниках» [Там же: 57]). К числу таких «более ранних источников» относятся сказки, рассуждая о которых, К.Г. Фрумкин отмечает, что они «...в большинстве случаев являются результатом многолетнего развития и многолетней стереотипизации жанра» [Там же: 58].

Как нам кажется, говоря о «порождающих» тестах в отношении сказки, вместившей в себя мифологические и сказочные образы всех времен и народов¹, следует прежде всего рассматривать не стереотипизацию мифологических образов в сказочных текстах (далее по отношению к тем и другим мы будем применять устоявшийся в фольклористике термин «мифологический персонаж», МП), а стереотипизацию представлений об МП в современном сознании. Поэтому в процессе исследования мы предполагаем сравнить способы презентации мифологических персонажей в «Понедельнике...» не только с традиционными сказочными, мифологическими и художественными текстами, где встречаются первичные или вторичные мифологические персонажи (например, с поэмой «Руслан и Людмила»), но также и с посвященными мифологическим персонажам словарными статьями лингвистических словарей и мифологических энциклопедий.

На возможность подобного сопоставления указывает ряд фактов: во-первых, присутствующие в сказке многочисленные вкрапления псевдонаучного стиля, встречающиеся в речи персонажей; во-вторых, имитация отдельными фрагментами сказки стиля всевозможных словарей (например, пародийное объяснение «некоторых непонятных терминов и малознакомых имен», помещенное в послесловие к «Понедельнику...»); в-третьих, факт участия Бориса Стругацкого в создании словаря литературных героев к собственным произведениям и т. д. Наконец, сами писатели подчеркнули влияние «словарного принципа» на формирование стиля сказки: в «Комментариях к пройденному» Борис Стругацкий отмечает, что повесть создавалась очень долго, и труднее всего было придумать сюжет: «Долгое время мы собирали шуточки, прозвища, смешные характеристики будущих героев и записывали все это на отдельных клочках бумаги» [Стругацкий 2003: 114]. Скорее всего, эти «смешные характеристики» выглядели как разрозненные, несистематизированные словарные дефиниции, на базе которых затем был «выстроен» текст повести. Сюжеты всех трех глав достаточно самостоятельны по отношению друг к другу, а сюжетообразующий компонент второй главы (осмотр Александром Приваловым стен НИИЧАВО во время новогоднего дежурства) выглядит всего лишь как повод рассказать о существах, живущих в Институте чародейства и волшебства.

В данной статье мы стремились сопоставить типы описаний мифологических персонажей, принятые в лингвистических и энциклопедических статьях с дефинициями МП, маркирующими авторскую речь в сказке братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», с тем чтобы выявить сущность различий между этими описаниями и выявить специфику их ком-

---

¹ «Понедельник начинается в субботу» не противоречит такой квалификации.

муникативных функций.

Анализ литературного текста как коммуникативной макро-единицы требует использования определенного лингвистического инструментария, позволяющего решить поставленные задачи «наиболее универсально». В качестве таких универсальных инструментов анализа мы избрали выделенные Г.А. Золотовой коммуникативные регистры речи. Введение понятия «коммуникативные регистры» позволяет уточнить задачи, намеченные в статье: к их числу относится сопоставление фрагментов повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» с дефинициями словарных статей, посвященных мифологическим персонажам, выявление коммуникативных отступлений от заданных статьями параметров, проявляющихся в выборе того или иного коммуникативного регистра.

Коммуникативный регистр мы, вслед за Г.А. Золотовой, определяем как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах» [Золотова 2004: 402]. Материалом для анализа мы избрали авторскую (монологическую) речь, с наибольшей очевидностью воплощающую коммуникативные интенции говорящего в соответствии с тремя регистрами: информативным, генеритивным и репродуктивным.

Рассмотрим особенности употребления названий мифологических персонажей, находящихся в пределах генеритивного регистра. Главными его признаками являются присутствие в высказывании временной линии, обобщающей универсальный человеческий опыт (Т1 по классификации Г.А. Золотовой [Там же: 30]), и точка зрения говорящего, фокусирующая с высоты этого опыта внимание читателя на различных жизненных явлениях. Наиболее отчетливо использование генеритивного регистра иллюстрируют различного рода сентенции, пословицы и поговорки. Также в генеритивном регистре, по нашему мнению, оформляются семантические части словарных статей, «служащие для характеристики понятия» [Киселевский 1979: 92], поскольку это всегда самый общий, с высоты общечеловеческого опыта, взгляд, раскрывающий денотативную сферу любого слова.

Референтный статус слов, находящихся внутри генеритивного блока, вполне органично соотносится с тем, что А.Д. Шмелев определил как «дистрибутивная референция» [Шмелев 2002: 99 – 100]. Рассматривая особенности дистрибутивной референции на примере слов *медиана* и *биссектриса* из одного математического правила (*В каждом равнобедренном треугольнике медиана совпадает с биссектрисой*), Шмелев говорит об особом «мире равнобедренного треугольника», внутри которого находятся референты слов *медиана* и *биссектриса*, которые не являются фиксированными в целом. Детерминант *в равнобедренном треугольнике* играет роль миропорождающего оператора – маркера, обозначающего границы мира, законы которого описываются в данных высказываний.

По аналогии мир, где «живут» референты сказки Стругацких, – это прежде всего мир различного рода текстов: суеверных меморативов, фабулативов, народных поверий. Свойства названий МП, в первую очередь, детерминируются использованием генеритивного регистра. Миропорождающим

оператором для подобного рода слов становятся выражения: «в народных поверьях», «в сказках» и т. д., являющиеся обязательной частью толкований мифологизмов: так, в словаре С.И. Ожегова слово *русалка* толкуется следующим образом: *в народных поверьях и сказках существо в образе женщины с длинными распущенными волосами и рыбьим хвостом* [Ожегов 1991]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова то же слово получает несколько иную дефиницию: *русалка в древних народных поверьях – живущее в воде сказочное существо в образе обнаженной женщины* [Толковый словарь русского языка 2000]. Лаконичней всего толкование, извлеченное из словаря В.И. Даля: *Русалка – сказочная жилища вод* [Даль 1980].

В мифологической энциклопедии словарная дефиниция имеет более детальный характер: *Русалки, купалки, водяницы, лоскотухи и другие, в славянской мифологии, существа, как правило, вредоносные, в которых превращаются умершие девушки, преимущественно утопленницы, некрещеные дети* [Мифология 2003: 472]. Семантическая часть энциклопедической статьи развернута и содержит в себе описание именно традиционных представлений о русалке с указанием на национально-культурные источники, что отличает ее от обобщенного описания, создаваемого семантической частью словарной дефиниции, источником которого вполне могут служить экранизации сказок Г.–Х. Андерсена. Мироописательным оператором также может служить отсылка к действительности (например: «В действительности русалок не существует») с ее законами, отличающимися от законов народных поверий и сказок.

Братья Стругацкие творчески используют в своей сказке образный потенциал генеритивного регистра. Примеры его использования обнаруживаются в статьях словаря, завершающего «Понедельник...». К сожалению, там нет слова *русалка*, потому используем в качестве примера определение слова *гном*: *Гном – в западноевропейских сказаниях – безобразный карлик, охраняющий подземные сокровища. Они действительно безобразны и действительно карлики, но ни о каких сокровищах и понятия не имеют. Большинство гномов – это забытые и сильно усохшие дубли* [Стругацкие 2003: 256]. Общепринятые представления генеритивного регистра закреплены в дефиниции при помощи оператора *в западноевропейских сказаниях*, который семантически противопоставлен миру знаний сотрудников НИИЧАВО, более осведомленных о природе подобного рода фактов. Маркерами «научного знания» в тексте статьи являются наречие *действительно*, союз *но* и термин *дубли*. Помимо перечисленных лингвистических единиц, соотносимых с научным стилем, в состав дефиниции писатели включают элементы разговорного стиля: фразеологизм *не иметь понятия* и экспрессивный оборот *сильно усохшие*. Таким образом, анализ стилизованной словарной статьи позволяет сделать вывод о том, что существует несколько ступеней трансформации генеритивного регистра, зависящих от коммуникативных целей словарной статьи. В дефиниции толкового словаря наблюдается нулевая трансформация, признаками которой становятся изолированность и предельная обобщенность; в энциклопедической статье наблюдается трансформация первого типа, проявляющаяся в «информативизированности» (сходство с информатив-

ным регистром) и в присутствии внутри данного регистрового блока микрофрагментов, отражающих специфические научные знания, а также аморфность по отношению ко всему последующему тексту (представленному в информативном регистре т. н. предметному описанию, о котором речь пойдет ниже). Второй тип трансформации – в пародийном словаре братьев Стругацких. Эта разновидность трансформации проявляется в резком противопоставлении семантико-стилистического описания предметному продолжению статьи, а также в оспаривании истинности семантической части.

Особую разновидность генеритивных фрагментов представляют собою выделенные А.Д. Шмелевым наглядно-примерные описания [Шмелев 2002: 100], где общее суждение тяготеет к построению наглядного образа. Общим для всех коммуникантов здесь является не какое-то универсальное знание, но «универсальный образ», выстраиваемый в воображении при каждом употреблении наглядно-примерных описаний. Образцы наглядно-примерных описаний у братьев Стругацких всегда носят окказиональный характер: *Стоило сотруднику предаться хотя бы на час эгоистическим и инстинктивным действиям (а иногда даже просто мыслям), как он со страхом замечал, что пушок на его ушах становится гуще. Это было предупреждение* [Стругацкие 2003: 133]. Универсальная значимость подобного рода опасности для всех сотрудников НИИЧАВО входит в противоречие с фантастичностью данной ситуации – отсюда ощущение окказиональности подобных высказываний.

Информативный регистр, в отличие от генеритивного, передает знание, полученное в результате обобщений с обязательной, хотя и присутствующей в разной степени, дистанцированностью перцептивного времени T2 от событийного T3 [Золотова 2004: 30]. Информативный регистр – коммуникативная категория, как нельзя лучше подходящая для описания «криптофактов», и вместе с тем оформляющая новую сторону взаимосвязи текста «Понедельника...» с действительностью и отражающая новый аспект отношений с энциклопедическими статьями, воплощающими сложившиеся в этой действительности взгляды на мифологических персонажей. Разберемся в этом подробнее.

Категория «криптофакт» впервые была применена для анализа фантастических текстов К.Г. Фрумкиным. Криптофакт исследователь понимает как скрытый от посторонних взглядов, находящийся «на задворках мира» факт [Фрумкин 2004: 61]. Раскрытие такого факта переворачивает все представления об окружающей действительности. «Криптофакт» является основополагающим компонентом такой разновидности фантастической литературы, как «криптофольклор» [Там же]. Самый яркий пример фантастики «криптофольклорного» типа – повесть о Гарри Поттере. «Криптофольклорная» фантастика очень популярна в наши дни: «Альтист Данилов» В. Орлова, «Ночной дозор» С. Лукьяненко и др., но первым отечественным опытом фантастики подобного рода является, без сомнения, литературная сказка «Понедельник начинается в субботу». Изложенный посредством использования генеритивного регистра факт противопоставляется пребывавшему до определенной поры (до момента написания книги) скрытым и потому известному лишь избранным «криптофакту», описанному при помощи информативного регистра.

При помощи информативного регистра то или иное событие оценивается с точки зрения говорящего (автора), более осведомленного в сравнении со слушателем (читателем). Вследствие этого для структурных блоков информативного регистра характерна большая (в сравнении с генеритивным) обстоятельность и многословность. Это всегда роднит фрагменты, написанные в информативном регистре с той «в деталях раскрывающей денотативную область с ее предметами и отношениями между ними» частью энциклопедической статьи, которую А.И. Киселевский называет «предметной» [Киселевский 1979: 92]. Потому фрагменты, написанные в информативном регистре, как нельзя лучше подходят для описания скрытых, таинственных фактов. Например, для характеристик, которые дают братья Стругацкие присутствующим на страницах их повести фантастическим феноменам.

В качестве примера возьмем характеристику «неразменного пятака», оформленную по всем законам предметной части энциклопедической статьи: *Пятак возвращается, если им платить. Если его просто бросить, обронить, потерять, он останется там, где упал. Пятак возвращается в карман в тот момент, когда сдача из рук продавца переходит в руки покупателя. Если при этом держать руку в одном кармане, пятак появляется в другом. В кармане, застегнутом на «молнию» он не появится никогда. Если держать руки в обоих карманах и принимать сдачу локтем, то пятак может появиться где угодно (в моем случае он обнаружился в ботинке). Исчезновение пятака из тарелочки с медью на прилавке заметить не удастся: среди прочей меди пятак сейчас же теряется, и никакого движения в тарелочке в момент перехода пятака не происходит* [Стругацкие 2003: 47]. С предметной частью энциклопедической статьи приведенный нами отрывок объединяет использование временных форм глагола, в частности т. н. настоящего постоянного, при помощи которого описываются соответствующие признаки предмета безотносительно к моменту их протекания, тем самым авторы сосредотачивают внимание читателя этого отрывка на одном предмете. Безусловно, данный отрывок выступает неотъемлемой частью содержания рассматриваемой нами повести – результат умозаключений, сделанных на основе перцептивно воспринимаемых главным героем явлений (хотя и разобренным с хронотопом этих явлений по непреложному правилу формирования информативного регистра [Золотова 2004: 29]). Однако, если бы мы предприняли попытку создать энциклопедию, посвященную творчеству рассматриваемых нами авторов (такого, как электронный «Словарь братьев Стругацких» Леонида Ашке-нази, в котором, к сожалению, отсутствует статья, посвященная «неразменному пятаку»), как нам кажется, данный отрывок вошел бы в этот словарь без изменений. Приведенный пример является одним из немногих фрагментов сказки, оформленных в информативном регистре и представленных в виде набора постоянных признаков фантастического феномена. В соответствии с подобными «канонами» в сказке братьев Стругацких представлен, пожалуй, еще только один фантастический феномен под названием «дубль» [Там же: 120].

В основном же фантастические феномены «Понедельника...» описываются посредством отсылки к их истории, что также характерно для предметной части словарной статьи. В качестве примера обратимся к характери-

стике одного из магов НИИЧАВО Федора Симеоновича Киврина: *Федор Симеонович славился неисправимым оптимизмом и верой в прекрасное будущее. У него было очень бурное прошлое. При Иване Васильевиче – царе Грозном опричники тогдашнего министерства государственной безопасности Малюты Скуратова с шутками и прибаутками сожгли его по доносу соседа-дядяка в деревянной бане как колдуна; при Алексее Михайловиче – царе Тишайшем его били батогами нещадно и спалили у него на голой спине полное рукописное собрание его сочинений; при Петре Алексеевиче – царе Великом он сначала возвысился было как знаток химии и рудного дела, но затем не пострадал чем-то князю-кесарю Ромодановскому, попал в каторгу на тульский оружейный завод, бежал оттуда в Индию, долго путешествовал, нечувствительно превзошел йогу, вновь вернулся в Россию в разгар пугачевщины, был обвинен как врачеватель бунтовщиков, обезноздрен и сослан в Соловецк навечно [Стругацкие 2003: 106]. Представленный фрагмент оформлен в информативно-повествовательном регистре: действие здесь то ускоряет, то замедляет свой ход, что достигается посредством чередования имперфективов (*славился, били* и т. д.) и динамических аористивных предикатов (*превзошел, возвысился, спалили* и т. д.). События следуют одно за другим, и их темпоральная локализация задается при помощи обстоятельственных детерминантов времени, обозначающих границы той или иной эпохи (*при Иване Васильевиче, при Алексее Михайловиче, при Петре Алексеевиче* и т. д.). При помощи этих локализаторов, а также посредством добавления модусной рамки («Я знаю, что...» или «Известно, что...») позиция рассказчика дистанцируется от изображаемых событий. Перед нами, таким образом, повествование о якобы исторических фактах. Информативный регистр сближает рассматриваемые нами фрагменты с фрагментами статей из специальных (литературных и мифологических) энциклопедий, учебников истории. Для сравнения: *После того, как кентавров победил Геракл, они были вытеснены из Фессалии и рассеялись по всей Греции. Посейдон взял кентавров под свое покровительство [Мифология 2003: 284]; или Титаны (кроме Океана) выступили с Офрийской горы; боги, рожденные Кроносом и Реей, – с Олимпа (отсюда их название олимпийцы); сражение (титаномахия) между титанами и олимпийцами длилось десять лет, пока на помощь Зевсу не пришли сторукие. Победенные Титаны были низвергнуты в Тартар, где их стражами стали сторукие» [Там же: 542]. Таким образом, характеристика Федора Симеоновича Киврина, как и характеристики всех персонажей литературной сказки «Понедельник начинается в субботу», оформленные в информативном регистре, отличаются слабой степенью связанности с текстом какого-либо конкретного жанра. Это подтверждается возможностью оформления характеристики в виде не прямой цитаты с сохранением всех регистровых особенностей внутри текстов самого разнопланового содержания: от литературной сказки до научных работ, посвященных творчеству братьев Стругацких. Текст литературной сказки, таким образом, оказывается неоднородным: в нем есть фрагменты, тесно связанные с сюжетом, но есть и структурные образования, напоминающие внесюжетные элементы. Данная неоднородность обусловлена прежде всего регистровыми различиями, наблюдаемыми между разнотипными фрагментами текста.**

В связи с этим необходимо обратить внимание и на репродуктивный регистр, наиболее тесно связанный с жанровыми особенностями «Понедельника...». Для данного регистра характерны синхронность событийной (Т2) и перцептивной (Т3) линий, актуальность времени [Золотова 2004: 29].

Приведем пример фрагмента, описывающего встречу сотрудников НИИЧАВО с гекатонхейрами, пятидесятиголовыми и сторукими сыновьями Неба и Земли, оформленного в репродуктивном регистре: *Гиес и Котт спали, свернувшись в огромные уродливые узлы, из которых торчали синие бритые головы с закрытыми глазами и волосатые расслабленные руки* [Стругацкие 2003: 107]. Репродуктивный регистр объединяет данный фрагмент с рассмотренной Бертраном Расселом фразой «Я встретил единорога»². Фразы подобного типа Бертран Рассел относил к ложным в силу того, что слово «единорог» выражает один лишь свойственный ему концепт и не имеет предмета, соответствующего этому концепту в реальной действительности (цитируется по монографии Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 2007: 180]). В исследовании Б. Рассела представлен предельно обобщенный логический анализ данного типа высказываний. Мы же попробуем рассмотреть описание мифологического персонажа, расположенное внутри репродуктивного блока, с точки зрения его коммуникативных характеристик, то есть его приемлемости с точки зрения читательского модуля.

Данное высказывание является в некотором роде аномальным. Вызвана эта аномальность «навязыванием» избытка видения, которое авторы предпринимают по отношению к своему читателю. Для того чтобы глубже осознать сущность этого «навязывания», обратимся к некоторым общим законам построения художественного текста. А.Д. Шмелев отмечает, что «в мире рассказов о Холмсе истинно, хотя и не эксплицитно, то, что у Холмса не было трех ноздрей, что он носил нижнее белье. В случае же, когда оценка истинности того или иного суждения оказывается различной в различных мирах рассматриваемого подмножества, данное суждение считается не имеющим истинностного значения. Так, не имеет истинностного значения утверждение о количестве волос на голове у Шерлока Холмса» [Шмелев 2002: 241]. Но окажутся ли справедливыми выводы А.Д. Шмелева по отношению к гекатонхейрам из повести братьев Стругацких? Читая вышеприведенный фрагмент, мы точно знаем о количестве их рук и голов; но можем ли мы сказать хоть что-то о количестве их ног или размерах мифологических персонажей? Авторы, таким образом, «навязывают» читателю несуществующие у него знания о фантастических феноменах. Говоря о введении читателя «в курс дела» и о нарушении «коммуникативных прав адресата» А.Д. Шмелев отмечает, что «читатель вынужден также воображать себя человеком, уже имеющим представления о соответствующем персонаже» [Там же: 243]. При употреблении репродуктивного регистра, в силу «расплывчатости» референтного представления некоторых персонажей (о которой мы говорили выше), это представление неотделимо от мыслящего «я» каждого от-

---

² Данное объединение справедливо, если не рассматривать фразу Рассела как классифицирующую характеристику, данную встрече с каким-либо необычным существом – в таком случае это будет информативный регистр.

дельного читателя, того самого «научного сотрудника младшего возраста», для которого и написана данная сказка. А порою (при употреблении информативного регистра) такого «домысливания» не происходит. Сведения о некоторых фрагментах вымышленной действительности и персонажах преподносятся читателю непосредственно, и он, словно изучая мифологическую энциклопедию, «на время» оказывается в привычном для себя положении человека, неискушенного в мире чудесного (тем более, в мире чудесного, выдуманного братьями Стругацкими). Данный вывод подтверждается тем, с какой легкостью написанные в информативном регистре высказывания преобразуются в т. н. предметную часть словарной статьи, основная задача которой – информировать читателя о неизвестных ему фактах.

В заключение скажем, что фрагменты, оформленные в генеритивном и репродуктивном регистрах и обусловленные равной степенью осведомленности читателя и писателя, в значительной степени способствуют формированию комического эффекта, поскольку такая осведомленность входит в противоречие с фантастичностью изображаемой ситуации. Фрагменты, написанные в информативном регистре, повествуют о заведомо неизвестных читателю фактах, они достаточно слабо привязаны к жанру сказки, способны практически в неизменном виде становиться предметной частью мифологических и общих энциклопедий.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1980.

Золотова Г.А., Ониненко Н.П., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Киселевский А.И. Об определениях в толковых словарях и энциклопедиях // Вопр. языкознания. 1979. № 9.

Мифология: Энциклопедия. М., 2003.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М., 2006.

Рассел Б. Исследования значения и причины. М., 1999.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Донецк, 2003.

Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному. СПб., 2003.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 2000.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М., 2004.